

И.Е. Сироткина, Р. Смит

«ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО» И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

В статье отмечается, что XX век для психологии был решающим: из скромной по размерам академической университетской дисциплины, какой она была в конце XIX столетия, психология превратилась в масштабное научное предприятие и заняла видное место в культуре западных обществ. В современном мире вряд ли найдется человек, которому не приходилось бы так или иначе сталкиваться с психологами. Тестирование, психотерапия, семейная консултация и профориентация школьников вошли в жизнь многих миллионов людей. Психология стала претендовать на то, чтобы объяснять человеку его поступки, руководить его решениями, советовать в отношениях с людьми, давать рекомендации в интимной жизни. Все это дало повод говорить о современном западном обществе как «психологическом», т.е. опирающемся на психологию в решении как каждодневных проблем индивида, так и глобальных социальных проблем. Авторы пытаются дать определение понятию «психологическое общество», анализируя историко-социологические исследования по темам: 1) рост психологии как профессии или области занятий; 2) социальная природа психологического знания; 3) отношения между индивидуализмом, модернизмом и психологией; 4) психология как практика общественного управления.

Ключевые слова: «психологическое общество», психология как профессия, социальная природа знания, психологизация, индивидуализация, современность/модернизм, практики управления.

Что такое «психологическое общество»?

Термины «человек психологический», «культура нарциссизма», «терапевтический этос», «психологическое общество» были введены рядом авторов для характеристики западного общества модерна и постмодерна [28; 35; 37; 43]. Цель их — указать на то, что психология глубоко проникла в западную культуру, стала важной частью современного образа жизни. Вопрос, на который пытаются ответить эти авторы, — что же собственно «современного» в современном им обществе? Поскольку речь при этом идет об образе жизни, распространенном на Западе, мы вправе спросить, насколько их понятийный аппарат подходит для анализа «не-западных» обществ, включая Россию? Можно ли утверждать, что эти общества следуют «западному» паттерну развития,

хотя бы в том, что касается возникновения такой их особенности, как «психологическое общество»? Можно ли сказать, например, что в России складывается свой собственный вариант «психологического общества»?

Напомним, что понятие «психологическое общество», как и другие категории социального анализа — к примеру, модернизм, постмодернизм, демократия, глобализация, — не означают какого-либо одного явления или процесса. Они скорее являются показателями того направления, которое принимает в данный момент дискуссия о социокультурной и экономико-политической жизни. Не пытаясь вводить никаких четких формулировок, мы будем использовать термин «психологическое общество» для того, чтобы поднять вопросы о месте психологии как особой области идей, исследований, социальных

институций, практик — области, чье раз-
нообразие с трудом поддается воображе-
нию. Эти вопросы чрезвычайно релевант-
ны для России, хотя до сих пор психологи,
социологи и другие комментаторы проис-
ходящих в этой стране перемен не уделя-
ли им достаточно внимания. Мы хотели
бы дать обзор того, что же включается в
понятие «психологическое общество», с
намерением побольше узнать о происхо-
ждаем в России; тем самым мы продол-
жаем тему, начатую в нашей более ранней
статье [6]. Наша цель — испробовать кон-
цепцию о психологическом обществе как
инструмент для анализа нового материа-
ла. Мы надеемся, что многие российские
психологи и социологи найдут этот ин-
струмент полезным в своих размышлениях
о социальных переменах, в которые они
сами волей-неволей вносят свой вклад.
Кроме того, мы считаем, что случай Рос-
сии, какими бы ни были местные особен-
ности и обстоятельства, не уникален, и
что наш анализ может быть распростра-
нен и на другие страны.

Начнем с того, что психологическое
общество носит двойственный характер.
Самое явное его проявление — рост чис-
ла людей, которые работают «психолога-
ми», зарабатывая на жизнь тем, что име-
нется «психологией». Хорошо известно,
что в западных странах, в особенности
с 40-х гг. XX в., шел быстрый рост числа
психологов, в том числе занятых в разно-
образных сферах практики — медицине,
промышленности, бизнесе, образовании
(обзор развития психологии в XX в. см.,
например, в книге одного из авторов, не-
давно переведенной на русский язык [7;
43]). Речь идет об огромных цифрах: к
примеру, в 80-х гг. прошлого века в Аме-
риканскую психологическую ассоциа-
цию входило 100 000 членов, и с тех пор
число их выросло. В такой небольшой
стране, как Нидерланды, работало 20 000
дипломированных психологов (число их
на душу населения в этой стране самое

высокое в мире) [24]. Не зная соответ-
ствующих цифр для Советского Союза,
мы все же беремся утверждать, что зна-
чительное число психологов было занято
как в сфере исследований (включая ака-
демические учреждения и университеты),
так и в практике — например, спорте и
космических программах. Затем, в пост-
советское время, присутствие психологов
в обществе стало еще более значительным
или, по крайней мере, более видимым. По
некоторым данным, к началу нового ты-
сячелетия в области образования было
занято 64 000 психологов; существовало
около 700 социально-психологических и
медико-психологических центров (цит.
по [10]). Количество академических ис-
следований в психологии и интерес к
ним широкой публики, по-видимому,
также быстро росли — хотя для точной
оценки этого нужны эмпирические ис-
следования.

Однако рост числа психологов и объе-
ма их работы — только один из аспектов
психологического общества. Другой его
аспект заключается в том, что люди самых
разных занятий и образа жизни становят-
ся «психологическими субъектами». Дело
здесь не только в очевидном факте — ког-
да психологов много, больше людей ста-
новятся их клиентами, — хотя это и так (о
том, что психотерапевтические практики
сами создают себе клиентов, пишет, на-
пример, Александр Сосланд [8]). Дело в
том, что «психологическим» мы называ-
ем такое общество, в котором люди сами
считают себя «психологическими» субъ-
ектами. Иными словами, они видят свою
идентичность, образ жизни, социальные
связи, отношение к жизни и смерти, удо-
вольствию и боли, поведению и характе-
ру как *психологические* по природе, думая
о них и описывая их в *психологических*
категориях. В психологическом обще-
стве человеческое «Я» рассматривается
как индивидуальная психологическая
субъективность, локус индивидуального

психологического действия. Данный тип общества резко контрастирует с другими типами — такими, как общество религиозное или коммунистическое, в которых человеческая идентичность и цели не ограничиваются только психологическим измерением, в нашем его понимании. В психологическом обществе люди — включая, конечно, самих психологов — воспринимают и представляют себя как психологических по преимуществу субъектов. В таком обществе каждый в определенном смысле становится собственным психологом — и отсюда вытекает в частности трудность определения их числа.

Двойственный характер психологического общества — значительный рост числа психологов и родов их деятельности, с одной стороны, и преобладание способность видеть человеческий мир в терминах психологических субъектов или «Я», с другой, — имеет давние философские корни. Это видно из семантики слова «психология», означающего и область знания, и в то же время, состояние обычных людей, которое выступает предметом этой области. (Для различения этих двух значений английский психолог и историк психологии Грэм Ричардс ввел разное написание слова: «*Психология* с заглавной буквы означает область знания, тогда как *психология* со строчной “п” относится к психологическим состояниям людей» [33, с. 6–10]). То, что одно и то же слово имеет столь разные значения, отражает экзистенциальную ситуацию, в которой человеческое существо в одно и то же время — субъект и объект науки, познающее и познаваемое, сознание и предмет его рефлексии.

Осознание двойственного характера любой дисциплины, относящейся к наукам о человеке, в свою очередь приводит к более масштабному утверждению: знание о человеке изменяет его самого. В самом деле, это утверждение — сердцевина того, что отличает науки о человеке

(включая психологию) от естественных наук, — люди, в отличие от природных объектов, познавая себя, изменяются. Философ Михаил Эпштейн, к примеру, пишет: «Науки о культуре отличаются от естественных наук тем, что играют ключевую роль в конституировании собственного предмета» [21, с. 287]. Этот же аргумент развивается в работах о «рефлексивности» [44]. Простейшей и непротиворечивой иллюстрацией рефлексивного характера знания в науках о человеке служит психотерапия, чья цель — дать клиенту новое понимание, или такое знание, которое поможет ему измениться, стать, хотя бы до некоторой степени, другим человеком. «Поскольку знание, которое мы можем иметь о наших ментальных способностях, — знание рефлексивное, познаваемый объект и познающий субъект изменяются и развиваются вместе» [25, с. 255]. При еще более широкой трактовке, рефлексивное познание можно считать исходным принципом «проекта Просвещения»; проект этот заключается в том, чтобы улучшить этот мир, построив его на рациональном знании о человеке. Надежды, вложенные в него, способствовали появлению и расширению в XX в. психологических и социальных наук; можно поэтому сказать, что с самого своего начала психология и социальные науки были «прикладными» областями. Идея Просвещения о том, что эти науки помогут лучше организовать жизнь, связана с идеей о рефлексивном характере знания: мы не можем познать себя без того, чтобы это знание не изменило нашу жизнь. И если люди понимают природу мышления, действия и надежд как *психологическую* — в противоположность, скажем, религиозной или политической — это должно в корне повлиять на социальные реалии, в которых они живут.

В психологическом обществе, таким образом, круг, связывающий воедино репрезентации человеческой природы в

психологических терминах и превращение человека в психологического субъекта, становится важнейшей чертой социальной структуры. Поскольку в XX в. такое общество сложилось во многих западных странах, было бы естественно спросить, не существуют ли и в России (как и, возможно, в других странах), по крайней мере, его элементы. Ниже мы предлагаем некоторые размышления по этому поводу. Следующим был бы вопрос о том, как оценить психологическое общество — меняет ли оно жизнь к лучшему или к худшему (а это, как известно, вопрос этический и политический). Однако, по нашему мнению, вопрос этот слишком сложен, чтобы судить о нем только в черно-белых тонах.

Из двойственного характера психологии следует еще один важный вывод: в психологическом обществе «популярные» формы психологии сосуществуют с «научными». (Мы употребляем эти термины как конвенциональные, условные, и не будем в дальнейшем заключать их в кавычки, хотя ясно, что они сами представляют социологический интерес.) Итак, оформление знания о себе в психологических терминах теснейшим образом связано с существованием «индивидуальности» со своей «психологией». Одно предполагает другое и не существует без него. В этом смысле можно утверждать, что каждый — сам себе психолог. Тогда ясно, что литература по психологии может быть двух родов: для широкой аудитории, обычных людей и для тех, кто называет себя специалистом в узком научном смысле слова. В самом деле, хорошо известно, что в XX в. жанр популярной психологии, включая литературу и практики «самопомощи» и «самотерапии», разросся и продолжает процветать. В России этот жанр — практически новый — быстро вырос после 1991 г., и стоит зайти в любой книжный магазин, чтобы в этом убедиться. Более того, рост популярной психологии заметен в масс-

медиа в целом; вопросы психологии стали частью ток-шоу, интервью, мыльных опер и тому подобных телевизионных программ.

Это популярный аспект психологического общества — каждый сам себе психолог — делает всякие количественные оценки психологов и их деятельности делом чрезвычайно проблематичным. Тем не менее в западных странах, и в особенности в США, издавна существует практика законодательного определения и контроля над тем, кто может и не может называться психологом — кто, в силу своего образования и социальной экспертизы, может или нет зарабатывать этой профессией на жизнь. Такая законодательно закрепленная институализация психологической профессии — еще одна черта психологического общества. В создании и поддержании границы между профессиональной и непрофессиональной психологией свой вклад внесли и историки этой науки. В некоторых случаях — как, например, в истории психотерапии вообще и французской в особенности [30] — разграничение профессиональной психологии оказывается сложным и тяжелым процессом. Распространенное английское словопотребление отличает научную психологию от популярной, предполагая, что первая — «настоящая», основанная на рациональном знании психология, вторая же — нет. Академические психологи имеют свой интерес в том, чтобы эту границу поддерживать и охранять. И все же при проведении такой границы возникает много проблем, которые в России особенно заметны. Здесь история разграничения не столь длинна, а трудовое законодательство, регулирующее занятия теми или иными профессиями, не столь развито. В Советском Союзе границы определялись образованием: популярной психологии, которая могла бы соперничать с научной, практически не существовало. В жесткой социальной системе право

людей с соответствующим образованием быть экспертами, никто не оспаривал. Теперь ситуация кардинально изменилась. Очень многие, не получившие профессионального образования, но при этом выступающие на телевидении и в прессе, заявляют, что они психологи. Это часто корбит психологов академических, научных. Немереное число психотерапевтов-самоучек объявляют о приеме клиентов. В настоящее время вопросы оформления дисциплины и охраны ее границ стоят и обсуждаются довольно остро, и это еще один признак движения к психологическому обществу.

Мы можем представить себе такое социологическое или этнографическое исследование, которое подтвердило или опровергло бы гипотезу о том, что российское общество приобретает черты психологического. Стандартные количественные методы — опросники, включенное наблюдение и дискурсивный анализ — могут быть адаптированы для выяснения того, как воспринимают себя люди. Думают ли они о своих повседневных делах и проблемах в психологических терминах, включают ли психологию в определение своей идентичности? Такую работу еще предстоит провести, и одной из главных трудностей здесь окажется необычайная широта и гибкость формулировок того, что считать психологическим. К примеру, российское телевидение наводнено программами, рассказывающими о семейных конфликтах и агрессии, пьянстве и изменах, об эмоциональном шоке — и в этих повествованиях как агрессоры, так и жертвы часто говорят о себе в психологических терминах. Какое влияние, к примеру, оказывают эти передачи? Психология становится не только одной из наиболее распространенных профессий, но — что еще более важно — формой жизни, способом понимания себя и других, способом формирования идентичности. Люди начинают верить в то, что *кто они такие, как*

они поступают, на что они могут надеяться — вопросы психологического порядка. Каковы же последствия этого в России и в других странах?

За последние полвека появилось много исследований какого-либо из конкретных аспектов нашей темы. Для удобства изложения мы разделим эту литературу на четыре группы (которые неизбежным образом пересекаются и перекрывают друг друга):

1. Описание *психологии как профессии* или *области занятий* и роста ее в разных странах в XX веке.

2. Исследования *социальной природы* (или, как говорят иногда с полемическим оттенком, *социальной конструированности*) психологического знания.

3. Историко-социологические исследования отношений между *индивидуализмом, модернизмом и психологией*. Как правило, авторы этих исследований критически относятся к феномену психологического общества.

4. Работы, в которых психология рассматривается в контексте управления обществом. Это история психологии как *практики* (или *техники*) *общественного управления* (или, пользуясь термином М. Фуко, ее *генеалогия*, т.е. история, написанная вспять — из современности в прошлое). Психология рассматривается как более либеральный, по сравнению с принудительными административными мерами, инструмент контроля, как способ *самоконтроля* или *саморегуляции*. Тем не менее в западном обществе действие этого инструмента не менее реально и подчас даже более эффективно, чем прямой административный контроль.

Рассмотрим каждую из тем подробнее.

Психология как область занятий

Первый из упомянутых и наиболее очевидный аспект психологического общества — *рост психологии как профессии*

или *области занятий*. Мы предпочитаем говорить об *области занятий* по двум причинам. Во-первых, то многообразие родов деятельности, которые называют «психологией» — от компьютерного моделирования когнитивных процессов до музыкальной терапии с аутичными детьми — трудно объединить в одну профессию. Во-вторых, понятие профессии подразумевает, что существует единая группа специалистов или экспертов, которые в силу особого образования и системы знаний обладают нашим доверием и социальным положением и могут в одно и то же время служить потребностям науки, потребностям клиентов и общественному благу; этих экспертов общество вознаграждает статусом и деньгами. Как мы знаем, представление о такой гомогенной группе специалистов не соответствует действительности.

Итак, мы говорим здесь о двадцатом веке, даже скорее о второй его половине — том времени, когда психология как область занятий достигла массовости. В 1992 г. в Американской психологической ассоциации состояло 110 тысяч членов, а в Нидерландах было, как мы уже писали, 20 тысяч зарегистрированных психологов. В России рост числа психологов за последние десятилетия, безусловно, весьма значителен и также может быть подсчитан. Однако исследования того, как происходил массовый рост психологии, выполнены главным образом на материале американской истории. Это неудивительно, учитывая, что в США психология как область занятий сложилась раньше и в больших масштабах, чем в остальном западном мире. С 1919 по 1939 г. число психологов в этой стране выросло в 10 раз; после Второй мировой войны этот рост еще ускорился, и к 1995 г. их количество почти достигло четверти миллиона. Не последнюю роль в этом процессе играли войны, привлечшие внимание психологов к вопросам организации и функционирования армии. В послевоенные периоды

психологи участвовали в государственных и общественных программах реабилитации и социальной помощи населению, что также повышало статус их профессии и вело к открытию новых вакансий. В числе работ, посвященных становлению психологии как массовой профессии в США, можно назвать книги Дж. Бёрнэма, Дж. Кэпшью, Д.С. Наполи и Э. Хёрман [13; 17; 26; 29]. Что касается Европы, то здесь исследования касаются в основном возникновения и развития психоанализа и психотерапии, в особенности во Франции [16]. Случай Нидерландов, где статус психологов как социальных работников и экспертов довольно рано получил законодательное закрепление, также хорошо изучен [20]. Случай же России, где психология — и академическая, и особенно популярная — приняла массовые масштабы после перестройки, в период президентства Б.Н. Ельцина, еще предстоит изучить.

Социальная природа психологического знания

Более интересен, однако, другой аспект дискуссий о психологическом обществе, а именно вопрос о *природе психологического знания*. Многие ученые, как и обычные люди, в вопросе о происхождении знания — реалисты. Так, психологи считают, что предмет их изучения — восприятие, память, интеллект — «реальные» процессы или, говоря философским языком, «естественные виды», существующие независимо от конкретной социально-исторической ситуации. Следуя такому взгляду, историю психологии часто пишут в терминах прогресса, прорыва, перехода от незнания к знанию (критику такого вида истории см. в [27]).

Однако, начав размышлять о знании, которое они производят, некоторые психологи сталкиваются с тем, что это знание каким-то образом воздействует на объект, изменяет его. Иными словами, процесс

познания в психологии иной, чем, например, в физике: там перед ученым предстают некие естественные объекты, которые он изучает эмпирически, потом создает теорию, а потом прилагает полученные знания к практике. В психологии, напротив, нет «естественных объектов» в том же смысле, что в физике. Из этого следуют два важных эпистемологических вывода.

Во-первых, в психологии нет такой, как, например, в физике, последовательности этапов познания — «эмпирия—теория—практика». Жесткое разграничение психологии на теоретическую и прикладную не выдерживает критики. Конечно, заниматься можно очень разными вещами — моделированием процесса отображения информации с сетчатки в кору мозга в ходе исследования, призванного подтвердить или опровергнуть какое-либо эмпирическое утверждение, или развитием речи конкретного ребенка. Тем не менее в психологическом обществе и прикладные занятия могут стать источником теории, и наоборот. Психологическое знание не является чем-то, что сначала «добывают», а потом «применяют на практике»; знание появляется по ходу действия. Если действительно знание о человеке рефлексивным образом изменяет самого человека, разделение на «чистое» и «прикладное» знание трудно сохранять.

Во-вторых, поскольку психологическое знание неотделимо от его объекта, а объект этот — человек — по своей природе социален, то *социально и само психологическое знание*. Иными словами, все понятия, категории и модели психологии историчны, возникли в определенный момент истории и в ответ на запросы определенного общества и в определенный момент — например, с исчезновением данного общества — могут прекратить свое существование. Вывод о социальной природе знания ограничивает амбиции ученых, их претензии на открытие универсальных истин о человеке. Психологическое

знание не является ни вечным, ни универсальным — пригодным для человека любого общества и любой эпохи. Признавая это, психологи должны отказаться от мессианских иллюзий и не распространять свои локальные диагнозы на «природу человека вообще», поскольку такая природа — очень туманная абстракция.

В истории психологии сложилось особое направление — *история отдельных психологических категорий и практик* — изучение того, как они возникли и приняли современную форму. Одной из самых влиятельных в этой области была и остается книга канадского историка психологии Курта Данцигера об истории психологического эксперимента в трех национальных культурах — франко-, германо- и англоязычной [18]. А категории, которые чаще всего рассматриваются в подобных исследованиях — это *личность* и *интеллект*. Именно они являются центральными для психологии, т.к. связывают ее с обучением и образованием и через них — с политикой и повседневной жизнью миллионов людей. Именно вокруг категорий «личность» и «интеллект» идут незатухающие дебаты о роли наследственного и приобретенного, так называемые *nature-and-nurture debates*, по эмоциональному накалу больше похожие на военные действия, чем на научную дискуссию. Это не случайно, т.к. каждая из позиций имеет негласные предпосылки — леворадикальные у сторонников *nurture* (воспитания) и консервативные в случае сторонников *nature* (природы). Чаша весов здесь все время колеблется: если в революционные 1960-е и 1970-е гг. на Западе преобладал социально-культурный взгляд на природу интеллекта, то в эпоху начавшейся с 1980-х гг. политической реакции реванш взяла противоположная точка зрения. Однако значительная часть авторов и сейчас настаивают на том, что категория интеллекта конструируется обществом и является функцией процедур тестирования,

которые применяются для селективного управления образованием в эпоху, когда образование должно быть всеобщим [15; 32; 45]. Экстенсивное применение тестов, как мы уже отмечали, — одна из главных черт психологического общества.

К этим исследованиям примыкают работы по *исторической психологии* — исследования того, как человек, его менталитет изменялись на протяжении столетий — от античности до наших дней. Кроме этого, некоторые исследователи высказывают мысль, что не только психологические категории — эмоции, память, разум, но и само понятие «психология» имеет свою историю [19; 43]. Человеческое «Я» не всегда воспринималось в психологических терминах, как это происходит в наши дни. Было время, когда люди жили другими, *непсихологическими*, категориями. Представление человека о самом себе как о существе психологическом не изначально, не задано природой, а появилось на определенном этапе истории. Следовательно, присущий современности психологический образ мыслей и на самом деле современен, т.е. недавнего происхождения. А значит, и обычное житейское представление о психологии, не говоря уже о становлении ее как научной дисциплины, — относительно новое, не ранее XVIII в., приобретение.

Итак, с позиций эпистемологии, согласно которой все психологическое знание исторично, психологическое общество — исторически сконструированный образ жизни. А поэтому то знание о человеке, которым это общество обладает, не может быть привилегированным, единственно верным и объективным. Вместо того, чтобы делать такие грандиозные заявления, исследователям стоит обратиться к тем историческим процессам, в результате которых какое-то конкретное знание получает статус «научного» и «объективного» и становится знанием о «реальности» или «природе». Критика эпистемологии

реализма позволяет нам рассматривать становление психологического общества и формирование психологических состояний индивида как два измерения одного и того же исторического процесса. Тем самым изучение психологического общества становится частью социальной психологии — часть знания, которое нужно нам для понимания социальной природы психологической жизни. Нам интересно узнать, каким образом психологические процессы приобрели ту природу, которую они имеют, и каким образом эта природа входит в психологическое общество.

Психология, индивидуализм, модернизм

Концепция психологического общества — продукт или развитие более широкой социологической теории — о природе «модерна» или «модернизма» (*modernity*). Под рубрикой «модерна» социологи пытаются описать и объяснить особенности западного общества, каким оно стало после XVII века. Мы не будем здесь углубляться в эти теории, подчас чрезвычайно запутанные, лишь отметим соответствие между психологическим образом мыслей и человеческим бытием, с одной стороны, и такими особенностями, лежащими в центре модернити, как индивидуализм и инструментальная рациональность, — с другой. Современная психология оформляет и концептуализует свой предмет по преимуществу как *индивидуальные*, т.е. принадлежащие индивидам процессы и состояния. Это зачастую свойственно даже социальной психологии, в особенности в ее северо-американском варианте. Психологическая профессия распространилась и получила политическую поддержку потому, что психологи заявили, и общественное мнение им поверило, что их знания и экспертиза имеют инструментальную ценность, полезны и необходимы для блага индивидов. А ведь именно индивид считается основой и существом

общества эпохи модерна. Психологическое общество – такую форму принял социум, в котором принято считать, что индивид логически, этически и экзистенциально первичен по отношению к социальному. В модернистском обществе экспертное знание об индивидуальных психологических состояниях и процессах лежит в основе «хорошей жизни».

Понятие о психологическом обществе, которое связывает его с модернизмом, важно для психологов, для оценки ими своего места в обществе и своих перспектив. Способность социальной группы – такой, как профессиональные, научные психологи, – оценивать, размышлять о собственной позиции также называется рефлексией (выше мы писали о «рефлексивности» как способности наук о культуре конституировать свой предмет). Профессиональная рефлексия часто носит критический характер. Понятие психологического общества служит важным инструментом такой рефлексии.

Социологические теории модерна никогда не были нейтральными или чисто описательными, поскольку всегда явно или неявно подразумевали оценку того, что приобретено и что утеряно в процессе модернизации. В ранних классических исследованиях Огюста Конта, Карла Маркса и Герберта Спенсера – не случайно считающихся отцами-основателями социологии – подъем индивидуализма рассматривался как амбивалентное явление. Это неудивительно, если мы вспомним, какие этические идеалы вдохновляли их социальную философию. (В модерне что-то всегда возвышается – например, буржуазия, а что-то исчезает – например, «околдованность мира», по М. Веберу, или «община» у славянофилов.) Осознание этой моральной амбивалентности индивидуализма свойственно и социологическому анализу, который проделали Фердинанд Тённис, Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм и другие мыслители их поколения.

Неудивительно поэтому, что литература в психологическом обществе всегда отчасти критична, откликаясь критически на то чрезмерное внимание, которое уделяется индивидуальным, психологическим состояниям и процессам. В ней выявляется политическая ограниченность модерна, ставшая особенно очевидной – предупреждают критики – в культурно-политической жизни США.

В своем кратком изложении тезис о связи психологического общества с модернизмом выглядит следующим образом. Утверждается, что в пре-модерне идентичность детерминирована местом человека в сообществе. Это порождает исторический вопрос о том, когда, где и в каком смысле возникло человеческое «Я» как понятие и как реальность [40]. Затем утверждается, что в модерне сообщество исчезает – его заменяют контрактные отношения. Индивид, чье освобождение от жестко заданной социальной идентичности теперь закреплено в законах, приобретает «личные» психологические характеристики и новую субъективность. Такой индивид и становится базовой единицей социальной, общественной жизни.

Материальная, экономическая сторона этого процесса – возникают рыночные отношения, богатство становится мерой человеческого благосостояния, а потребление – выражением человеческой экзистенции. Психология в этом контексте превращается в науку о понимании и управлении индивидом, наделенным способностью участвовать в сложных отношениях, от которых все и зависит. Она получает особую роль – обеспечивать управление там, где индивиды по какой-либо причине – горя, гиперактивности, врожденных особенностей – сами не в силах этого сделать. В то же время рефлексивно люди модерна начинают понимать себя в психологических терминах и обнаруживать психологические состояния, которые такое самопонимание предполагает.

Критический пафос этого тезиса лежит в суждении о том, что, когда люди представляют себя и других в психологических терминах, они это делают за счет своей способности понимать социальные и политические процессы. Дискурс о социальных структурах и институтах, о характере политической власти и о социальной подкладке суждений об истинности, не говоря уже о социальном происхождении психологического знания как такового, теряет свое значение. Термин «психологизация» описывает подмену социального (варианты: теологического, философского) понимания психологическим. Печально известный пример — когда в 1968 году во время протестов в американских университетах против войны во Вьетнаме психолог из Харварда Р.Дж. Хернштейн (Richard J. Herrnstein) «объяснил» эти протесты подростковым кризисом. Подходя к вопросу более серьезно, такие социологи, как Ричард Сеннет в «Падении общественного человека» [41] и Кристофер Лаш в «Культуре нарциссизма» [28], обсуждали распад гражданского общества и замену его индивидуальными ценностями и дискурсом. Лаш презрительно называет «Я-поколением» своих современников — людей, занятых «стилем жизни», личной красотой, фитнесом и психотерапией, избегающих реальности жизни. Многие наблюдатели отмечают тривиализацию политического процесса и тот факт, что масс-медиа сфокусированы не на политику, а на индивидуальные, психологические аспекты жизни.

В 1980-х гг. был выдвинут тезис о переходе к постмодернизму, еще более усложнивший теории модерна. Нам здесь не надо разрешать диспут о том, действительно ли такая глобальная социокультурная трансформация имела место, и, если да, то в какой форме. Заметим только, что дискуссии вокруг постмодерна обогатили анализ индивидуализма: в них прозвучала гипотеза о возникновении новых типов

самоидентичности. Некоторые наблюдатели утверждают, что в постмодернистском образе жизни у стабильной идентичности нет будущего, как и нет оснований надеяться на то, что политический процесс примет рациональные формы — как то предполагалось традицией Просвещения. Польско-британский социолог Зигмунт Бауман, к примеру, описывает современный западный стиль жизни в терминах нестабильности и текучести социальных отношений. В современном мире перспектива обретения прочного пристанища в конце дороги отсутствует: «Быть в пути стало постоянным образом жизни индивидов, не имеющих (теперь уже хронически) своего устойчивого положения в обществе». Суррогатом такого пристанища, или устойчивого положения, — иными словами, суррогатом сообщества, и выступает «идентичность» [1, с. 184–190; 11].

В таком постмодернистском мире индивидуализированные психологические категории и язык описания индивидуальности принимаются как должное. Сама текучесть личной идентичности, кажется, делает психологический дискурс еще более привлекательным. Все это тем не менее прекрасно уживается с генетическими, эволюционными и нейропсихологическими формами объяснения, в которых подчеркивается «заданный» характер психологической идентичности. Вера в то, что идентичность «дана» или «задана» (например, генами) находится в кажущемся противоречии с верой в то, что идентичность избирают (например, путем косметической хирургии). Возможно, именно такие противоречия и придают рассуждениям о постмодернизме смысл.

Центральная особенность психологического общества — внимание, которым пользуется в нем психотерапия. В какое бы прошлое не уходили ее корни, психотерапия достаточно молода; она начала развиваться на подъеме модерна, за три-четыре десятилетия до Первой мировой войны.

Она — что бы не говорили о ее эффективности — способ выразить и ответить на личные трудности индивидуального субъекта. Поразительное число и разнообразие предлагаемых клиенту терапий, а также вариантов консультирования и рекомендаций относительно стиля жизни, — пожалуй, самая выдающаяся черта психологического общества. Подчеркнем еще раз, что дело здесь не столько в большей распространенности и доступности услуг психотерапевтов, сколько в том, что обычные люди стали воспринимать себя как потенциальных клиентов для психотерапии.

Большинство психотерапевтов глубоко верят в свое дело и занимаются им со всей серьезностью, подобно тому, как — в нашем представлении — занимался психоанализом З. Фрейд и его «правоверные» последователи. Из этого ясно, что психотерапия — не нейтральное орудие, а активная миссия по «улучшению» жизни. Критическое сравнение психотерапии с религией давно уже само превратилось в клише. И именно здесь, по мнению многих, находится сердцевина психологического общества: процессу психологического понимания придается крайняя важность. Именно психологи, психиатры и психотерапевты задают нормативы психического здоровья, с позиций которых осуществляется пересмотр целей, идеалов и смысла существования.

В списке литературы, посвященной этому глобальному повороту в культуре, книги Филиппа Рифа «Фрейд: Ум моралиста» и «Триумф терапевтического» [34; 35] занимают особое место. Риф считает, что к середине XX в. человек психологический стал доминантным типом западной культуры, сменив в этой роли человека морального и человека экономического. Эта революция совершилась не без участия Фрейда. В очередной раз, пишет Риф: «История произвела тип, специально адаптированный к новому периоду: тип тренированного эгоиста, частного лица,

покидающего арену общественной жизни, на которой он не достиг успеха, чтобы заняться изучением себя и своих эмоций. Этой интроверсии интересов должна была соответствовать новая дисциплина, и психология Фрейда, с ее интерпретацией политики, религии и культуры в терминах внутреннего мира индивида и его непосредственного семейного опыта, как нельзя более подошла для этого» [34, с. 2–3].

Еще до Ф. Рифа открыто политические работы так называемых «малых фрейдистов» (таких, как Вильгельм Райх и Эрих Фромм), связали воедино структуру капиталистического общества со структурой души [36].

Миссионерский характер психотерапии свойствен не только фрейдистам или даже психотерапевтам в целом. Самый известный из послевоенных британских психологов — Ханс Айзенк, с презрением относившийся к психоанализу, тем не менее разделял энтузиазм по поводу психологического вмешательства в жизнь людей. Он писал: «Бихевиоральные методы (бихевиоральная терапия, модификация поведения, лечение с помощью обусловливания) показали себя эффективными, быстрыми и адекватными. <...> Вполне возможно, в скором будущем мы сможем в обозримый отрезок времени устранить приводящие к бездействию страхи, обсессивно-компульсивное поведение и многие другие серьезные невротические симптомы. [Это можно будет сделать] с помощью передвижных клиник на колесах, в штате которых будут работать клинические психологи. Эти проблемы так называемой “малой” психиатрии причиняют людям много боли и горя; настало время начать на них атаку, соизмеримую с тем уроном, который они наносят счастью людей» (цит. по [39, с. 233]).

Обратимся теперь к постсоветской России. Ясно, что Советский Союз не был психологическим обществом. По традиции население его решало свои личные

проблемы с помощью друзей и близких, не обращаясь к профессиональным психологам. По данным исследования, которое цитирует А.В. Юревич, только 6 % респондентов когда-либо консультировались у психолога, а 44 % вообще ничего не знают о подобных услугах. Юревич, тем не менее, подчеркивает, что профессиональная психология здесь проигрывает поп-психологии. То же исследование показало, что 39 % смотрят телевизионные программы на темы, которые можно назвать психологическими, 25 % читают популярную литературу по психологии [9]. Перемены в России оказались благодатными для разнообразных форм психотерапии, а также для огромного числа людей, предлагающих психологические советы и консультации всякого рода. Телевидение приводит в дома людей «мудрецов», которые представляются психологами и дают советы по воспитанию детей, разрешению конфликтов с партнером, смене пола и т.д. Все выглядит так, будто в стране быстро формируется психологическое общество.

Существует также тенденция, которую активно поддерживают государственные службы, — использовать психологов в ситуациях кризисов и социальных конфликтов, к примеру, во время войн на Кавказе или при взятии заложников. В московском метро можно услышать объявления о «Кризисной линии», «Телефоне доверия» или других способах получить психологическую помощь. Все это можно интерпретировать и как проявление заботы, и как попытку переложить проблемы, которые сложно решить другими средствами, на психологов. Современные политики широко пользуются услугами специалистов по пиару и личных консультантов, часто имеющих психологическое образование. В дополнение к этому существует интерес к созданию «православной» психологии, основанной на вере и традициях Православной церкви. Церковь и сама предлагает — наряду

с традиционным пастырским попечением со стороны священников — психологическое консультирование (см. материалы сайтов [46–47], а также [2]).

Несмотря на все эти новшества, многое в них на поверку может оказаться поверхностным. Совсем не ясно, насколько глубоко психологические способы управления человеческими делами вошли в плоть и кровь постсоветского общества. Первое движение обычного человека, который испытывает личные проблемы, обращено по-прежнему к друзьям, а не к психологу. Относительно немногие, в особенности жители провинции, имеют возможность воспользоваться дорогостоящими услугами психотерапевта. И если человек все же обращается к психологу, то делает он это зачастую наивно, без понимания сути психологического образа мыслей. Что же касается православной психологии, то ей нужно еще доказать, что в ней есть что-то большее, чем просто повторение религиозных заповедей. Кроме того, вполне возможно, что «психологический образ жизни» ограничивается метрополиями и не доходит до регионов Федерации, в особенности тех, которые отличаются от столичных в культурном и этническом отношении.

Обсуждение психологического общества может, таким образом, служить полезным инструментом для размышлений о переменах, которые пережила и переживает Россия. Следует эмпирически изучить и проанализировать с концептуальной точностью все смыслы вопроса: возникают или нет здесь черты такого общества. Современная политическая ситуация может способствовать возникновению психологического общества, в особенности если считать его в некотором смысле суррогатом гражданского общества. Важно и то, что нарождающийся в России средний класс служит рынком для психологических практик и главной аудиторией для популярной психологии.

Этот класс, ко всему прочему, кажется индивидуалистическим и аполитичным. Все это, как кажется, говорит в пользу того, что Россия становится психологическим обществом. Ниже, однако, мы приведем причины, заставляющие с осторожностью относиться к такому выводу. Каждому, кого волнует человеческое достоинство, принятое в современных масс-медиа публичное обнажение субъективного мира человека удовольствия не доставляет. Но движущая сила этого — не «заговор» психологов, а деньги, привлечение публики, доход от рекламы.

Управление индивидом

Один из вариантов тезиса о связи психологии и политики приобрел такое влияние, что сам заслуживает обсуждения. В нем развивается положение о том, что психологическое общество — альтернатива политической жизни или новый ее поворот. Тезис в краткой формулировке звучит таким образом: в модернистских государствах, где существует либеральное общество, управление и контроль за людьми осуществляется не применением силы (или угрозой ее применения), а путем их собственного, субъективного управления, или самоконтроля. Психологические свойства, придающие современным людям их идентичность, задающие их место на рынке и цель в жизни, в либеральных демократиях также *управляют* ими. Иными словами, согласно этому утверждению, в модернистских обществах (в особенности в англоязычном мире и на северо-западе Европы) «поддержание порядка» — *активная* функция самих граждан, которые осуществляют ее по отношению к самим себе. Напротив, в не-модернистских, не-либеральных обществах государство требует от граждан *пассивности* и делает их объектом своих мер по поддержанию порядка. При этом предполагается, что дискурсы и практики современной психологии и других релевантных структур

индивидуального благосостояния способствуют созданию такой интернализованной, индивидуализированной системы поддержания социального порядка.

Теоретическое основание для тезиса о разных формах управления — работы Мишеля Фуко, в особенности его анализ власти в терминах дисциплинирования и регуляции индивидуального тела («био-власть»). Фуко считает, что перемена в дискурсах и практиках, произошедшая на рубеже XVIII и XIX вв., вызвала к жизни как науки о человеке (включая клиническую медицину, психологию, лингвистику, антропологию и социологию), так и их предмет — человеческую субъективность [22; 23]. Человек-субъект впервые появился — стал зримым — в таких учреждениях, как больницы и приюты для душевнобольных, школы, армия, тюрьмы. В них формировалась дисциплинированная личность — предмет административного регулирования, осуществляемого через местные институции. В отличие от прежнего государственного управления путем репрессий, новый тип администрирования, по утверждению Фуко, привел к появлению человеческого субъекта с его самодисциплиной. Со временем тип самодисциплины, насаждаемый подобными социальными институциями, превратился в модель для индивидуальной субъективности в целом — субъективности, сформированной и выражающей себя через самоконтроль. Фуко оригинален и интересен своим пониманием власти: власть — это не принуждение со стороны государства, а форма конституирования определенных способов бытия человеком, бытия самим собой [22; 23].

В работах «Психологический комплекс» и «Управление душой» [37; 39] английский социолог Николас Роуз применил подход Фуко к историческому описанию того, как в англоязычном мире возникло психологическое общество и

какие последствия это имело. В этих книгах и в сборнике «Изобретая самих себя» [38] (см. также [3]) он описывает создание психологических обществ, в центре которых — общепринятые ожидания, что индивиды будут управлять самими собой. Только так становится возможным присущий либеральным демократиям тип управления (в терминологии М. Фуко — *governmentalité*). Оставляя в стороне роль в возникновении психологии академических учреждений, Роуз обращается к учреждениям другого рода — школам, тюрьмам, клиническим и психиатрическим больницам, армии, бизнесу, организационному администрированию. Именно в них, по его мнению, и формировалась современная психология. Модернистский менеджмент большим числом людей, «рационализация», которая связывается с модерном, создали дискурс об индивидуальных способностях и методах их измерения. Этот дискурс постепенно стал казаться объективной истиной о людях — или о том, что делают их людьми, создает их идентичность. Бюрократы особенно были заинтересованы в том, чтобы принятие решений базировалось на объективных замерах и показателях, с помощью которых они описывают население [31]. В XIX и XX вв. психология была, таким образом, двойственным процессом: с одной стороны, она создавала индивидуальные особенности как объект управления и контроля; с другой стороны, эти способности и их статистическое изучение становились предметом психологии, определяя ее методологию и область экспертизы. Либеральное общество становилось возможным еще и потому, что способности и власть были локализованы в самом индивиде: «Так формальные ограничения, налагаемые на власть “государства”, повлекли за собой распространение многообразных программ и механизмов, отделенных от прямой “общественной” власти; тем не менее,

оказывая формирующее влияние на занятость, рынок, семью, они вызывают к жизни “общественные” ценности — такие, как богатство, эффективность, здоровье и благополучие» [38, с. 155].

Как мы отмечали выше, большинство психологов считают, что, описывая психологические способности и качества, они говорят о «естественных» вещах или «видах» (*natural kinds*). В чистом виде такой образ мысли представлен в работах Чезаре Ломброзо, считавшего преступника или проститутку представителями определенного биологического типа — типа, у которого имеется ряд определенных признаков или симптомов (см. [12]). Работы Ломброзо — как и другие подобные идеи о вырождении — были справедливо раскритикованы. (Хотя генетические теории, объясняющие отклонения от поведенческих норм врожденными причинами, были с энтузиазмом встречены некоторыми психологами.) Тем не менее, общие принципы, заложенные в этих работах, определяющих природу и идентичность человека путем сравнения индивидуальных способностей с социальными нормами, никуда не исчезли. В психологическом обществе XX в. дискурс — в одно и то же время дескриптивный и прескриптивный — об интеллекте, развитии, личности, адаптации и тому подобном бурно расцвел. Он проявился в таких программах, как психогигиена, семейное благополучие, групповая динамика, тренинги персонала и во многих других областях. Затем индивиды интернализировали этот дискурс и стали тем самым сами «себе психологами», приучаясь сами судить о своих способностях и действовать в соответствии с прескриптивными социальными нормами. В помощь им возникла огромная популярная литература, и если ее было все же недостаточно, и если они терпели неудачу, то свои услуги предлагали эксперты «помогающих профессий»; число этих экспертов постоянно росло.

Идеалом либерального демократического государства является такой индивид, который может сам действовать, адаптироваться и управлять самим собой. Н. Роуз утверждает, что психология и есть наука о подобном управлении. Можно, конечно, обсуждать, насколько этот идеал достигнут. Ведь все государства продолжают использовать силу по отношению к тем, кто, как считается, не интернализовал психологические нормы (например, к разного рода маргинальным группам и террористам). Однако это не отменяет представления о современных гражданах либерального государства как экспертах по само-управлению. Как таковые они должны владеть необходимыми психологическими знаниями и методами. В либеральном государстве индивид автономен, но эта автономия несет с собой обязанность иметь психологическую идентичность. Идентичность закрепляет за индивидом определенное место в социальном порядке – место, которое можно легко определить – идентифицировать, превращая его в участника господствующих форм управления и администрирования.

Никто, конечно, не станет наивно утверждать, что где-либо в мире переход от «внешнего» государственного управления к «внутреннему» конституированию индивида вполне завершен. Но разные типы государства различаются своими формами правления, и при описании и объяснении этого понятие «психологическое общество» играет свою роль. Если мы обратимся к советскому периоду, то увидим поразительную параллель между прямым, централизованным контролем государства над населением и отсутствием психологического общества. Правда, государство использовало психологов, например, в образовании, армии, спорте и космических программах. Однако все, включая государственные органы управления, самих психологов и публику, понимали эти отношения как иерархическое,

«сверху вниз» использование психологической экспертизы во вполне определенных, заданных государством, практических целях.

В более ранние и более утопические 1920-е гг. существовали планы развивать психологию и психиатрию как часть важной социальной программы психогигиены. Сторонники этой программы, как и их коллеги на Западе, считали, что психология должна стать неотъемлемой частью современного управления [4; 5; 42]. Уже в середине 1920-х гг. государство большевиков приняло национальную программу по психогигиене, базовым учреждением которой стал существующий по сию пору психоневрологический диспансер. Диспансеры наблюдали пациентов амбулаторно и занимались пропагандой здорового образа жизни. Их сотрудники – медицинские и социальные работники – обследовали жилье и рабочие места и регистрировали тех, кому, согласно определенным критериям, угрожало нервное заболевание. Вскоре сеть диспансеров покрыла всю страну, однако программа психогигиены никогда не была осуществлена в соответствии с изначальным замыслом. После объявленного в 1929 г. «великого перелома» главной целью стала централизованная индустриализация страны. Власть продолжала действовать «сверху», путем «внешнего» контроля, а не самоконтроля подданных. В то время, когда М. Фуко писал работы об управлении субъективностью, западные психиатры и пресса весьма критически высказывались об использовании в Советском Союзе психиатрии в целях политических репрессий. Между применением психиатрии как орудия «внешнего» контроля в Советском Союзе и либеральной манерой управления с помощью усвоенной каждым психологической идентичности существовал резкий контраст. Этот контраст не был абсолютным: на Западе психиатрию также критиковали как репрессивную практику,

а у советских людей было достаточно интернализированной дисциплины. Тем не менее, контраст существовал.

Элементы психологического общества сложились в России после 1991 г., который принес перемены: распад коллективистских способов организации социальной и экономической жизни и новые экономические ценности, ценности индивидуального предпринимательства. Насколько, однако, общество новой Российской Федерации изменилось? Нельзя забывать, что речь идет о разных этапах — периоде хаоса и неопределенности первых постсоветских лет и периоде кажущейся стабильности и экономического роста — пусть только в некоторых секторах — после 1998 года. Последнее десятилетие отмечено восстановлением механизмов вертикальной власти, которые, как иногда кажется, не изменились с имперских и советских времен. В современной России, таким образом, психологический дискурс и практики сочетаются с высокоцентрализованным управлением «сверху вниз». Однако противоречия при этом нет — по крайней мере, не более, чем в либеральных демократиях, где «внешний» менеджмент сосуществует бок о бок с «внутренней», психологической саморегуляцией. В России, однако, сосуществование государственного регулирования и психологического дискурса особенно легко достижимо, поскольку общество унаследовавшее советские особенности, резко разделено на «общественную» и/или «личную» сферы. Люди прекрасно усвоили это различие и с легкостью переходят из одной сферы в другую. Можно гипотетически предположить, что элементы психологического общества проникли только в эту последнюю — «личную» — сферу, а сфера «общественная» регулируется по традиции «извне», путем авторитарного контроля.

Следовательно — должны мы сделать вывод — в России нет психологического общества в том смысле, в каком оно

описано выше. Распространение самоконтроля, в отличие от государственного управления, представляется существенно отличным от того, что наблюдается в либеральных демократиях (сделаем оговорку: это наше впечатление требует систематической проверки). Итак, есть интересная возможность того, что, хотя «психологическое» достигает значительного влияния в частной, личной сфере, это влияние в России, в отличие от Запада, никак не связано с либеральной демократией.

Наши замечания скорее поднимают вопросы, чем дают на них эмпирические ответы. Цель этой краткой статьи — применить концепцию психологического общества как инструмент для анализа психологии в социальном контексте. Никто из тех, кто комментировал происходящие в России перемены, до сих пор не задавался вопросом, в каком смысле и до какой степени здесь сложились элементы психологического общества; дать старт такому исследованию выпало нам. В дальнейшем обсуждении этой темы необходимо заострить те вопросы, которые задают себе академические психологи, озабоченные будущим своей дисциплины, ситуацией с финансированием, неопределенностью границ науки и определением авторитета в области психологического знания и экспертизы. Дискуссия может помочь осознать, что психологические способы оформления жизни, которые люди некритически принимают и применяют к себе, вовсе не нейтральный или «естественный» шаг. Этот шаг предполагает выбор вполне определенного способа социального существования за счет какого-то иного.

В заключение мы можем резюмировать сказанное как попытку поместить в определенный контекст те психологические формы нарратива, с помощью которых наши современники придают своей жизни осмысленность и добиваются некоторой степени личного и социального

контроля. Существующий в наши дни акцент на психологическом нарративе сам по себе не является ни нейтральным, ни единственно «истинным». Это — один из многих образов жизни — образ жизни, имеющий свою историю, которую мы можем проследить и понять. Мы можем также сравнить и сопоставить его различные национальные паттерны. Вводя понятие о психологическом обществе, мы надеемся внести вклад в анализ тех путей, по которым идут российские психологи. Нам кажется, что исследовать возможный поворот к психологическому обществу — шаг более конструктивный, чем сожалеть о поглощении «научной» психологии психологией «популярной». Все многообразные формы психологии существуют как социальные по природе практики. Понятие «психологическое общество» дает возможность понять эту социальную природу, подвергнуть анализу противопоставление «популярной» и «научной» психологии, увидеть место психологии в социально-политическом контексте.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
2. Братусь Б.С. Начала христианской психологии. М., 1995.
3. Роуз Н. Психология как «социальная наука» // Иностранная психология. 1993. № 1. С. 39–46.
4. Сироткина И.Е. Психопатология и политика: становление идей и практики психогигиены в России // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 154–177.
5. Сироткина И.Е. Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века. М., 2008.
6. Сироткина И.Е., Смит Р. «Психологическое общество»: к характеристике феномена // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 114–121.
7. Смит Р. История психологии. М., 2008.
8. Сосланд А. Структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии. М., 1999.
9. Юревич А.В. Поп-психология // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 3–14.
10. Юревич А.В., Ушаков Д.В. Макропсихология как новая отрасль психологического исследования // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 3–14.
11. Bauman Z. The Individualized Society. Cambridge, 2001.
12. Becker P., Wetzell R. F., eds. Criminals and Their Scientists: The History of Criminology in International Perspective. Cambridge, 2006.
13. Burnham J. Paths into American Culture: Psychology, Medicine, and Morals. Philadelphia, 1988.
14. Carson J. Army alpha, army brass, and the search for army intelligence. Isis. 1993. Vol. 84. P. 278–309.
15. Carson J. The Measure of Merit: Talents, Intelligence, and Inequality in the French and American Republics, 1750–1940. Princeton, 2007.
16. Carroy J., Ohayon A., Plas R. Histoire de la psychologie en France: XIX–XX siècles. Paris, 2006.
17. Capshew J. Psychologists on the March: Science, Practice and Professional Identity in America, 1923–1969. Cambridge, 1999.
18. Danziger K. Constructing the Subject: Historical Origins of Psychological Research. Cambridge, 1990.
19. Danziger K. Naming the Mind: How Psychology Found Its Language. London, 1997.
20. Dehue T. Changing the Rules: Psychology in the Netherlands, 1900–1985. Cambridge, 1995.
21. Epstein M. After the Future: The Paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Culture. Amherst, 1995.
22. Foucault M. Technologies of the self // Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault. London, 1988. P. 16–49.
23. Foucault M. Governmentality // The Foucault Effect: Studies in Governmental Rationality. Hemel Hempstead, 1991. P. 87–104.
24. Gilgen A.R., Gilgen C.K. International Handbook of Psychology. N.Y., 1987.
25. Hampshire S. Thought and Action. N. Y., 1960.
26. Herman E. The Romance of American Psychology. Berkeley, 1995.
27. Kusch M. Psychological Knowledge: A Social History and Philosophy. London, 1999.

28. *Lasch C.* The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations. London, 1980.
29. *Napoli D.S.* Architects of Adjustment: The History of the Psychological Profession in the United States. N. Y., 1982.
30. *Ohayon A.* L'impossible rencontre: psychologie et psychanalyse en France 1919–1969. Paris, 1999.
31. *Porter T.M.* Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton, 1995.
32. *Richards G.* “Race”, Racism and Psychology: Towards a Reflexive History. London, 1997.
33. *Richards G.* Putting Psychology in Its Place: A Critical Historical Overview. Brighton, 2002.
34. *Rieff P.* Freud: The Mind of the Moralizer. N.Y., 1961.
35. *Rieff P.* The Triumph of the Therapeutic: Uses of Faith after Freud. Chicago, 1987.
36. *Robinson P.A.* The Freudian Left: Wilhelm Reich, Geza Roheim, Herbert Marcuse. N.Y., 1969.
37. *Rose N.* The Psychological Complex: Psychology, Politics and Society in England, 1869–1939. London, 1985.
38. *Rose N.* Inventing Our Selves: Psychology, Power, and Personhood. Cambridge, 1996.
39. *Rose N.* Governing the Soul: The Shaping of the Private Self. London, 1999.
40. *Seigel J.* The Idea of the Self: Thought and Experience in Western Europe since the Seventeenth Century. Cambridge, 2005.
41. *Sennett R.* The Fall of Public Man. London, 1986.
42. *Sirotkina I.* Diagnosing Literary Genius: A Cultural History of Psychiatry in Russia, 1880–1930. Baltimore, 2002.
43. *Smith R.* The Norton History of the Human Sciences. N.Y., 1997.
44. *Smith R.* Being Human: Historical Knowledge and the Creation of Human Nature. Manchester, 2007.
45. *Zenderland L.* Measuring Minds. Henry Herbert Goddard and the Origins of American Intelligence Testing. Cambridge, 1998.
46. Православная психологическая служба on-line [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.priestt.com/slugd>.
47. Русская православная психология [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dusha.orthodox.ru>.